

H-73

. НОВИКОВА

P29611

ФРОНТОВЫЕ
Записки

Издательство ЦК ВЛКСМ
"Молодая Гвардия"

1948

Е. НОВИКОВА

Фронтовые записки

Издательство ЦН ВЛКСМ

«Молодая гвардия»

1942

Редактор *М. Дальцева*

Подписано в печать 4/VIII 1942 г.

Л75314. 1 печ. л. 1,0 уч.-изд. л.

39 000 зн. в печ. л.

Тираж 30 000. Заказ 1002.

Цена 30 коп.

Фабрика юношеской книги
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия».

1. ПЕРЕД ПОХОДОМ

Еще недавно я была озорной девчонкой. Бегала летом, а из удальства и зимой, босиком, лазала по заборам, устраивала с друзьями набег на огороды, лихо дралась с метростроевскими ребятами. Все называли меня атаманом. Когда я слышала песню «Если завтра война» — плечи мои невольно распрямлялись, ноги сами начинали маршировать в такт музыке, а слова «будь сегодня к походу готов» заставляли задумываться. Впрочем, думала я недолго и записалась в пулеметный кружок городского дома пионеров. Скоро сама стала инструктором и организовала в школе кружок пулеметчиков.

Не легко было вначале. Инструктор должен быть образцом выдержки и дисциплины, озорничать неудобно, в два счета потеряешь авторитет. Пришлось сильно ломать свой характер, раньше чем я начала делать ребятам замечания.

Я мечтала быть летчицей, такой, как

Полина Осипенко. Очень мне нравился ее характер, ее лицо, ее биография. Когда узнала о ее гибели, пожалуй, не было человека несчастнее меня. Даже удивительно, что может быть так дорог незнакомый человек.

Была у меня мечта — заменить ее в авиации. Я решила поступить в авиашколу, но меня даже к экзаменам не допустили: роста не хватало. Ребята подшутили надо мной, посоветовали глотать какие-то пилюли, увеличивающие рост. Я поверила и глотала по двадцать штук в день какой-то гадости, от которой меня просто тошнило. За год я выросла на один сантиметр и все-таки не оставила мечты об авиации. Только решила снова попытаться счастья после окончания школы.

В 1940 году, в день годовщины смерти Ленина, я вступила в комсомол и дала слово всегда хорошо учиться и работать. Это слово я всегда старалась сдержать.

Школу я окончила уже совсем взрослым человеком — мне стукнуло семнадцать лет. На выпускной вечеринке 21 июня мы танцевали и веселились до утра, и никто из нас не мог подумать, что в это время фашисты бомбят наши мирные города, убивают маленьких детей и беззащитных женщин. А на завтра — толпы у радиорупоров, речь Молотова.

В первый день войны я побежала в райком

РОКК и подала заявление: «Прошу принять меня в ряды действующей Красной Армии и послать на фронт, на передовые линии. Умею стрелять из пулемета и за ранеными ухаживать».

Вместе со мной подала заявление моя подруга Лелька Морозова. Впереди был фронт, суровые испытания, и я боялась, что Лелька может оказаться трусихой. Я затащила ее в Сокольники, усадила на лодку-качели, и начали мы раскачиваться. Я говорю:

— Наддай сильнее!

Она старается изо всех сил. Я говорю:

— Шибче!

Она раскачивает сильнее. Мы взлетаем выше всех. Перекладина трещит, деревья будто валятся в стороны. Нас ссаживают с лодки, но я довольна. Вижу — Лелька не из робких, не сдрейфит.

В нашу дружину записались студентки. С одной из них я очень подружилась. Звали ее Люся Канторович. Она была старше меня на три года, но по временам мне казалось, что я должна ее оберегать, а иногда готова была слушаться ее, как девчонка. Я по натуре очень деятельная, но после разговоров с Люсей мне хотелось посидеть да подумать. Казалось, надо остановиться, что-то переделать в себе, что-то изменить в жизни.

Останавливаться было некогда. На рассвете

6 июля мне и Лельке вручили повестки: «Явиться в полной боевой готовности к 8 часам утра».

Во дворе райкома собралось много народа. Нас с Лелей провожали матери. Как мы их ни усовещивали, они все время ревели. Стыдно сознаться, но и мое сердце дрогнуло, и против воли слезы показались на глазах. Зато мама взяла себя в руки и выступила, как на митинге.

— Бей их, антихристов! — сказала она напоследок.

Мы сели на машины и помчались мимо памятника Гоголю, по шумному Арбату, через Дорогомилловский мост, на широкое Можайское шоссе. Ох, как грустно было расставаться с московскими улицами! У многих на глаза наворачивались слезы, но вспыхивала песня, и снова становилось весело.

Через несколько дней мы очутились в большом селе. Это было большое разочарование. Мы стремились на фронт, а пришлось дежурить на трассе и копать рвы. С моими намерениями это никак не совпадало. Я пошла скандалить к начальнику, но он только пожимал плечами.

Чтобы свободное время зря не пропадало, организовали мы в селе санитарную дружину. На занятия колхозницы ходили охотно. Нашу фельдшерицу мы заставили читать лекции. Мрачная была женщина. В жару она ходила

в зимней лыжной фуфайке черного цвета и в черном фетровом берете.

На трассе мы работали по ночам. Руки у нас огрубели, сильно болели мозоли, но мы ими гордились. Днем отдыхали, бродили по берегу Волги и, кидая камешки в реку, спрашивали друг друга:

— Когда же мы попадем на фронт? Когда же дела-то начнутся настоящие?

Радость пришла неожиданно. В нашем селе остановилась воинская часть, и я решила присоединиться к ней. Добиться этого было трудно. В штаб не пропустили. Тогда я пошла на хитрость и нарочно стала разгуливать по запрещенной зоне. Меня доставили в штаб, но там ни командира, ни комиссара не оказалось. Проверили мои документы и хотели отпустить, но я стала клянчить:

— Возьмите меня к себе...

А красноармейцы только смеются.

— Наше дело,— говорят,— забрать, накормить и выпустить.

Пришлось еще раз три прогуляться по запрещенной зоне, пока наконец я встретила с комиссаром. Он внимательно выслушал меня и строго спросил:

— Сколько лет?

— Девятнадцать,— врала я напропалую.

— А подруге?

— Двадцать... нет, тоже девятнадцать...

Он попросил документы и паспорт. Душа моя ушла в пятки. Я забормотала:

— Скоро будет... Наверняка исполнится...

Комиссару понравилась моя характеристика, а на год рождения он даже и не взглянул. Встал, ударил меня по плечу:

— Хорошо! Приходите.

О, как летела я домой!.. А на другой день мы с Лелькой уже мчались в полковой машине и, хлопая друг друга по коленям, кричали:

— Здрóрово!

И все еще не верили своему счастью.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Никогда не забуду впечатления первых дней. Серая шинель, пахнувшая летним дождем, огромные солдатские сапоги, падающие с грузовика раньше ног на землю, красноармейские щи, самые горячие и самые вкусные на свете, по вечерам лихая дробь каблуков, выстукивающих «цыганочку», и надо всем — зеленые ветки орешника, спутанные и хлесткие. Едешь на машине — только, знай, наклоняйся. Фронт все еще казался продолжением веселой мирной жизни.

Но вот однажды в полдень я увидела, что машины, идущие впереди, сворачивают с дороги в высокую рожь и в лес. Наш шофер тоже въехал в кусты. Пролетели немецкие бомбардировщики, грохнули фугаски.

Замаскировав машину, как велел начальник, мы с Лелькой спрятались в кустах. Вверху носились самолеты, непрерывно строчили пулеметы, гул от фугасок стоял несмолкаемый. А мы, закинув руки за головы, хвастались своим хладнокровием.

— Ну, вот и боевое крещение... Ты как?

— Хорошо. А ты?

— Еще лучше...

Фашистские самолеты скрылись. Когда я увидела первого раненого, сердце сжалось от боли. Гнев, злость застилали глаза красной пеленой, руки невольно поднимались кверху, к проклятым машинам со свастикой. Перед нами стонал раненый черниговец, и мы не знали, как к нему подступиться. Наконец догадались: разрезали брюки и, быстро забинтовав, положили его в машину. Потом забрали еще нескольких раненых и повезли в больницу, в деревню Травниково.

Машина шла полным ходом. По сторонам — огромные воронки, убитые лошади, деревья, вывороченные с корнями, кое-где валялись трупы. Мы свернули с большака, и раненым стало еще хуже. Машину бросало во все стороны, при каждом толчке разом вскрикивали. Очень хотелось их чем-нибудь утешить. Я нащупала в кармане трехдневную порцию сахара и подмигнула Лельке. Она поняла без слов. Всем раненым хватило по куску; неко-

торые отказывались, просили папироску. Мы прикуривали, кололи сахар, поправляли шинели под головами у бойцов, и вся эта суета отвлекала их от тяжелой, тряской дороги. Расспрашивали бойцов про детей, про родные места. Черниговец с нежностью рассказывал о дочке:

— Маленькая, как орешек, а сама кричит: «Подай гарбуз, подай гарбуз...» А воны бомбят, чужой крови захотели, ограбить хотят. Скажи, стрешут мне ногу, чи нет?

Он говорил без переходов, но все было понятно, и я знала, что он останется без ноги, но твердо говорила:

— Ну, ты-то еще повоюешь...

Наконец доехали до больницы. Санитары помогли разгрузить машину. Скамейки, и те были в крови. Черниговец подарил мне свою кружку. Раненые благодарили нас. Шофер круто повернул к речке. Мы вымыли машину и вернулись в полк.

Самое удивительное на фронте — это то, что человек перестает удивляться. В мирное время у нас с Лелькой на полгода хватило бы разговоров о первой перевозке раненых, а тут — некогда. На другой день был снова бой. В кустах я наткнулась на стонущего человека. По кубикам — лейтенант, а лицо его мне что-то не понравилось. Вырвала у него из руки револьвер и спрашиваю:

— Ты кто?

А он по-московски, с растяжкой:

— Помоги, пожалуйста, сестрица...

Я его быстро перевязала и предложила идти, но он не мог пошевелиться. Взвалила на спину и поползла куриным шагом. Лейтенант начал довольно грозно прикрикивать:

— Давай направо... Сворачивай...

Видно, боевой запал еще не прошел. Но я его быстро срезала:

— Ты, — говорю, — знай, держись за шею, раз ты раненый.

А сама думаю: «Хорошо, хоть не стонет».

Ползти пришлось километра два. На дорогу мы выбрались около горящей деревеньки, только что отбитой у немцев. Значит, сюда санлинейки еще не ездят. Шатаясь от усталости, пошла искать какую-нибудь повозку. Мне посчастливилось. Привела лошадь и повозочного из другого полка. Повозочный начал было ворчать, но я не растерялась.

— Ты, — говорю, — милый, не очень. Помни, что с тобой говорит старший по званию. Живо!

Поехал без разговоров. Вот великая сила армейской дисциплины. Никому нет дела, что мне только семнадцать лет. Очень это приятно.

По дороге мы встретили друга моего — полкового повара Лешу. Он угостил нас сухарями и консервами. Лейтенант заметно повеселел и

сознался, что вначале принял меня за немецкую парашютистку. Мы долго смеялись и незаметно доехали до места. Когда лейтенанта стали перекладывать на машину-санитарку, я молча подала ему револьвер и отвернулась. Он сразу угадал мои мысли.

— Возьми на память,— сказал он немного грустно.

Револьвер тут же исчез у меня за пазухой. Машина ушла. Все это было очень давно, но, как сейчас, помнится прядь волос, прилипшая ко лбу, голубые глаза и тощая фигура лейтенанта. Очень он дорог мне. Может, он совсем и не герой, и видела я его впервые, и не из нашего он полка, но, кажется, за него бы горло перекусила, двадцать пуль вцепила врагу, а не дала бы в обиду. Это был первый раненый, с которым мне пришлось так повозиться.

Удивительно, что этих людей начинаешь любить за то, что можешь им помочь.

В САМОЙ ГУЩЕ

Как быстро привыкаешь к фронтовой обстановке! Мы научились спать в любом положении, есть как придется, по неделям не снимать сапог, отдыхать под дождем и работать под пулями. На смерть стали смотреть проще. Идешь мимо трупов и не задумываешься.

Только иногда, проходя мимо горы фашистских трупов, чуть засыпанных землей, огрызнешься про себя: хотели нашей земли — получайте.

Ко всему можно привыкнуть. Только когда товарищи выходят из строя, очень больно. Каждый раз с новой силой.

Вспоминается мне пожилой дяденька — мариец, с которым я ходила в разведку. Веселый был.

Пули свистят, вопят мины. Товарищи ему кричат:

— Ложись!

А он вяло так откликнется:

— Не берет...

И во весь рост бегом дальше. А после смеется:

— Моя всегда так ходит и всегда так ходить будет по своей родной земле. Я не вор, мне бояться нечего.

Так и прозвали его «Не берет». Но однажды случайная мина разорвалась около него, и не стало нашего мариюца.

Больше всего, пожалуй, я боялась двух вещей: чтобы не отослали домой да как бы не убили Лельку. Отчаянная была головушка. Там, где санитар боялся проползти, она во весь рост катила. Я кричу ей вслед:

— Ложись, анчутка!

Она отмахивается — и дальше.

Работали на передовых. Во время боя пере-вязывали и подбирали раненых, а ночью, когда кончалась бомбежка, на машинах везли их в санбат, километров за десять. Усаживались на крыло, чтобы видеть канавы, воронки, ямы, поломанные мосты. Иногда, если не было бомбежки, ездили и днем. Останавливались в деревнях, чтобы набрать воды в фляжки, захватить луку. Население встречало нас тепло. Трудно передать, с какой радостью женщины угощали раненых, с каким любопытством смотрели на нас с Лелькой. Иногда кто-нибудь скажет:

— И у меня такая же была...

И все шумно начинают сморкаться, вытирать слезы концами платков. На минутку и мне делалось грустно, вспоминалась мама, которая тоже, может, плачет и ждет писем.

Иногда нам приходилось проезжать мимо покинутых деревень. На улицах тревожно суетились куры; за ними растерянно брели длинные выводки цыплят, мяукали худые кошки, кругами бегали одичавшие собаки. Еще болтались в разбитых окнах марлевые занавески, на крылечках были видны свежие следы. Совсем недавно эти места были полны жизни, а теперь одно разорение. Ненависть, как слезы, прилиwała к горлу. Отомстить врагу, разгромить захватчиков! Это чувство было общим

Мы молча ехали дальше.

Однажды наша часть под бешеным огнем артиллерии и авиации брала переправу. Шесть с половиной часов бомбили нас фашисты. Под конец так измучила нас эта музыка, что даже ко сну клонить стало.

Недалеко от нас стояла машина с бензиновыми баками. Самолеты заметили ее и начали бросать бомбы. Били всё мимо. Но вот пролетел еще один стервятник и бросил три бомбы. Казалось, они летят прямо на нас. Мы перевернулись вниз лицом, открыли рты, обнялись. Я только успела подумать: «Кажется, отвоевались». Бомбы упали совсем рядом, одна за другой, и... не взорвались. Ноги воздухом подкинуло вверх, нас забросало грязью, но сами мы остались целы. Не дождавшись взрыва, мы подкрались к месту, где упали фугаски. Они лежали почти рядышком, тупые и невинные, как поросята. Мы погладили их и без оглядки бросились к машине. Помогли сгрузить последние баки и замаскировали их ветками.

Потом в атаку пошли танки. В зареве горячей деревни, в сиянии осветительных ракет высокие черные башни двигались с тяжелым, мрачным лязгом под дробную стрельбу орудий. Наши бойцы дрогнули, но вдруг раздался отчетливый голос командира полка:

— Не бойтесь их, ребята! Бейте попросту,

бутылками! — И он ловко запустил бутылку в страшный немецкий танк.

Вслед за ним дружно бросились вперед бойцы, и танки запылали. Уцелевшие отступили. Я, раскрыв рот, смотрела на командира и только удивлялась, какую мгновенную перемену может произвести пример храброго начальника.

В этом бою командира ранило. Я перевязала его и получила приказ отвезти в Москву — в госпиталь.

МОСКВА ВОЕННАЯ

Москва встретила меня воздушной тревогой. Я уже отвыкла от гудков и сирен и совсем растерялась. Попала вместе со всеми в метро, а мне очень хотелось скорее к маме. Я спросила у соседки, можно ли пройти под землей в Сокольники; она молча поглядела на меня и ушла. Я подложила под голову буханку хлеба, свернулась калачиком и уснула. Сквозь сон слышу — кто-то кричит надо мной:

— Вот этот!

А другой голос говорит:

— Гражданин, а гражданин, проснитесь...

Открываю глаза, вижу — надо мной стоит милиционер и молчаливая соседка. Я предъявила документы, милиционер откозырял, а я повернулась на другой бок и уснула.

Утром я с любопытством разглядывала Москву из окна трамвая. Всё как бы приготовилось к бою. Витрины закрыты песочными мешками, похожими на поросят-сосунков. Мой любимый Ярославский вокзал будто почернел от пороха. Только радио весело звучало на всю улицу да сами москвичи попрежнему не унывали.

Дом встретил меня неприветливо: закрытые двери, забитые окна. Мать уехала в деревню, отец был в командировке. Я оставила свои вещи у соседей и поехала к командиру полка в госпиталь.

В вестибюле я попала в чьи-то объятия и долго не могла опомниться. Оказалось, что это Люська Канторович, та самая, с которой я так подружилась на пункте РОКК. Я долго смотрела в ее голубые глаза, и было мне жалко, что не пришлось ей со мной побывать на фронте. И, будто угадав мои мысли, она сейчас же стала проситься в мою часть. Я отговаривала ее, но все было впустую, и дело кончилось тем, что командир написал ей направление в наш полк.

Вечером, с вещевой сумкой за плечами, с горящими щеками и растрепанными волосами, Люська примчалась ко мне.

На подоконнике в неосвещенной комнате начался наш разговор по душам. Я рассказала Люське о своей боевой подруге Леле Морозо-

вой, о храбром артиллеристе Шевченко, известном всей дивизии, о комсомольце Горюнове, который телом своим затушил ящик со снарядами, о бригадном комиссаре Кабичкине, который ходит по передовым, ничего не боится и своим мужеством поднимает боевой дух целого полка. Рассказала о разных типах раненых: пассивных, падающих духом от легкой царапины, и энергичных, которые еле даются перевязывать и рвутся в бой. Ко всем свой подход нужен. Иногда человек шевельнуться не может, а все-таки запикивает сам себе кишки, да еще к тому же молчит, не стонет. Такой характер я уважаю, и если нужно — три километра его на себе протащу.

Рассказала я Люсе и о себе. Вспомнила один случай. Шел обстрел деревни. Я уложила раненых в сарае, а сама легла на улице у плетня. Вдруг ударила мина. Меня приподняло от земли и шлепнуло обратно. Полетели палки, земля. Очнулась — кровь из носу хлещет, спина ноет, противогаза как не бывало. После долго болели глаза, да и сама я ходила, как одурелая. А потом все прошло.

— Не легко меня убить, за меня соседка молится, — пошутила я.

А соседка легка на помине. Тетя Таня Проскудина. Седенькая совсем, а озорная. Пришла на меня поглядеть, про фронтовую жизнь послушать.

Люська смеялась надо мной:

— Не надо тебе стрелять из пулемета, а то на том свете отвечать придется за убитые души.

Тетя Таня отвечала за меня:

— Не бойся. Бей иродов! Я за тебя богу помолюсь. Бей их, ничего не будет.

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

В полку нас встретила чумазая, загорелая Лелька. Обняла двоих сразу. Начались распросы, болтовня, песни. Вечером, когда спустился туман, мы уселись у дороги и поклялись драться, не щадя сил, и истребить не меньше как по пяти фашистов. Лелька вытащила из сумки полбутылки вина. Выпили за то, чтоб вернуться с победой... за дружбу...

Стало тепло и уютно, хотя ноги уже окоченели.

Начинались холодные осенние ночи. Мы спали в землянке втроем, крепко обнявшись. Иногда наши шинели примерзали к земле, иногда полевые мыши запутывались в волосах. Стыдно сознаться — не боялась, когда ходила в атаку, под бомбами подбирала раненых, а мышей боюсь.

Мы расставались только на время боя. Распеленнявшись, бежали в разные стороны —

перевязывали, таскали, понли, успокаивали бойцов, а потом снова встречались у командного пункта.

Характеры у всех были разные. Люська деловитая, предусмотрительная, в свободное время только и делала, что менялась с другими санинструкторами лекарствами. В ее окопчике довольно быстро образовался большой лекарственный склад. Бойцы ее называли «лисицкой». Я была гораздо поругаться с начальником санчасти, достать лошадей, табаку для раненых. Леля — «Невинные глазки», как звали ее в полку, — хозяйничать и ругаться не умела. Зато во время боя — золотые руки.

Люся была старше нас и знала гораздо больше. Может, в мирное время мы не смогли бы так близко сойтись — ей было бы неинтересно. А на фронте мы жили одной жизнью, одним чувством любви к родине. Никогда не ссорились. Каждая была уверена в другой, как в самой себе. Война уничтожила в нас все мелочное, бабье, осталось только настоящее, женское — заботливость и чуткость.

Однажды мы с Лелькой нашли около сбитого самолета какие-то небьющиеся стекла и решили на них проверить свое оружие. Залезли в яму и выпустили по обойме. Стекла разлетелись вдребезги. Начальник санчасти так изобразил дело, точно мы опасные пре-

ступницы. Вызвал к себе новый командир полка. Долго глядел на нас молча, а потом сказал:

— Надо отослать их в тыл.

Я выскочила на улицу, как ошпаренная, прибежала к Люськиному окопчику и заревела. В эту минуту я была самым несчастным человеком на свете.

Полковой командир только погрозился, а домой отправлять не стал.

Наша часть перешла в наступление. Несколько раз ахнула пушка. Бойцы медленно, но настойчиво продвигались вперед. В первый раз Люся пошла с нами на передовые.

К вечеру, пошатываясь от усталости, мы с Лелей уселись с саперами есть суп. Вдруг послышался тихий женский плач. Я побежала в рожь. Там, на корточках, около раненного в глаза красноармейца плакала Люська и сквозь слезы уговаривала его:

— Ничего, ничего... Если не увидишь глазами, хоть услышишь, как мы разобьем их.

Я говорю:

— А реветь-то зачем?

Она смутилась и стала объяснять:

— Он так страдает, а я его с места сдвинуть не могу. Это не от жалости — от злости, что сил нехватает.

Вдвоем на плащ-палатке протащили бойца с полкилометра и сдали санитарам.

Вечером мы собрались у Люськиного окопчика. Многое случилось за день, было что порассказать друг другу, но мы молчали. Люська горько сжала губы. Видно было, что ей тяжело. Тяжело впервые видеть так много человеческих страданий, боль, грязь... Мы не утешали ее: словами тут нельзя помочь. Каждая из нас пережила этот кризис молча.

Дня через два Люся оправилась от первых впечатлений. По кустам, во ржи мелькала ее курчавая голова в синей пилотке. Мы ее спрашивали:

— Ну как, трудно тебе, грустно тебе?

— Нет, не очень. А вам?

— Нам тоже ничего. Смотри, какая я солидная стала,— отвечала я и показывала мускулы на руках.

После боя, усталые, грязные, мы собирались, чтобы поесть вместе. У Люськи всегда были самые чистые руки, и она делила все, что у нас было, на три равные дольки. Леля колола сахар штыком. Пели песни.

Полк продвигался все дальше на запад. Перед атакой мы сидели вместе с командирами в окопчике, на командном пункте. Пункт обстреливали из пулеметов разрывными пулями. Еще издали они начинали визжать и, задевая за веточку, даже за листик, разрывались. Кто-то пошутил:

— Когда летит — стонет, будто прощенья

просит, а куснет — память надолго останется.

Мы сидели и радовались, что пойдём в атаку. Не впервые уже участвовали в боях, но перед каждым наступлением сердце сжималось радостной надеждой, что наш полк отличится, что мы сами сделаем что-то большое и хорошее.

Я смотрела в Люськины сияющие глаза и не выдержала, размашисто написала ей записку: «Хорошо, Люська! Здорово! Все наши мечты исполняются. Исполнилась бы последняя — вернуться с победой домой и прошагать по московским улицам!»

Люся радостно мотнула мне головой.

Нам принесли подарки — вышитые платочки. Мы посмеялись: вот, мол, девушки вышивали, думали — лейтенанту или бойцу, а досталось бойчихам. Потом разделили яблоки. Мы откусили по разочку и, выскочив из окопа, побежали в разные стороны: я — с командиром полка, Лелька — с адъютантом, а Люська — с комиссаром.

Больше мы ее не видели.

Я была на правом фланге, когда услышала: — Ранены комиссар и Люся.

Я не поверила. Не позволила себе поверить. Слезы подступили к горлу, но я сдержалась. В это время командиру полка доложили, что комиссара отправили в тыл, а Люся умерла.

Мимо нас пролетел снаряд.

— Падайте! — крикнула я командиру.

Он отмахнулся, пошел дальше и вдруг присел на корточки. Пуля ранила его в плечо. Я быстро подхватила его, втащила в ближайший окоп, перевязала и снова побежала помогать раненым.

Бой продолжался долго. В этот день у меня пробило в нескольких местах сумку, ремень, гимнастерку, а сама я осталась цела. Ни одной царапины даже не было. Я таскала и перевязывала раненых, не замечая их лиц, не замечая своей усталости. Все время думала о Люське. Мне хотелось убежать и найти ее живую или мертвую. Но воинская дисциплина должна быть крепче всех чувств, всех желаний. Это я твердо усвоила за свою недолгую армейскую жизнь. И снова таскала и бинтовала раненых, снова меняла перевязки командиру.

Когда кончился бой, вдвоем с санитаром мы отнесли всех раненых в ложину к санлинейкам, а командира полка — в штаб.

Лил дождь. Свою шинель я отдала раненому лейтенанту-связисту, пилотку — другому бойцу. Я промокла насквозь, до костей; по лицу лились слезы, смешанные с дождем. Холодные, горькие слезы.

Едва мы с Лелькой ввалились в штаб, как нас схватил в охапку бригадный комиссар и крепко расцеловал. Мы стояли, мокрые, гряз-

ные, и ничего не могли понять. Комиссар пожимал нам руки и говорил:

— Молодцы! Молодцы! Я так и знал, что не подкачаете. Могу поздравить — представлены к правительственной награде.

А мы даже не могли радоваться. Сели подалее в уголок и заревели, никого не стесняясь, не замечая людей. Все молчали, понимали наше горе.

Несколько ночей мы с Лелькой не спали. Я в полусне дралась и ругалась, она плакала. Кто-то посоветовал нам курить, будто от курева легче бывает, и мы не спали ночи напролет, курили и пели «Каховку».

Помнишь, товарищ, как вместе сражались,
Как нас обнимала гроза?
Тогда нам обоим сквозь дым улыбались
Ее голубые глаза..

Эта песня про Люську написана. Так нам казалось.

Мне удалось расспросить товарищей о последних минутах Люси.

Осколком мины ей пробило бок и грудь. Ее несли, бледную, на той самой плащ-палатке, на которой она всегда таскала раненых. Дорогой она все хотела отдохнуть. Фельдшер спросил ее, как она себя чувствует. Люся ответила:

— Все кончено, только жаль...— В эту ми-

нуту она увидела санитаров и закричала:— Чего вы меня окружили? Бойцы в атаку пошли, а вы... Скорее... туда...

Потом вздохнула и без единого стога умерла. Ушла... Никогда не вернется и не услышит, как мы разобьем собаку-Гитлера. Я вспоминаю ее, вспоминаю всех погибших боевых товарищей, сожженные города и деревни, осиротевших детей, искалеченных женщин — и до боли сжимаю кулаки и зубы.

Ничего не забудем! Ничего не простим!

НАСТОЯЩЕЕ ПРИЗВАНИЕ

Люся умерла. После ее смерти моя ненависть к фашистам удесятирилась. Я не упускала случая принять участие в бою, броситься в атаку, во что бы то ни стало нанести урон врагу.

Пехотинец — мастер на все руки. Недаром я была в пехотном полку. Я решила научиться делать все. Со мной происходили смешные истории, но я не унывала.

Прежде всего я хотела научиться ездить верхом. Села в первый раз на лошадь и поехала к пруду поить нашу обозную Марфутку. У воды лошадь наклонилась, и я, не успев опомниться, полетела через ее голову прямо в пруд. Много радости доставила бойцам. В другой раз я села на какую-то бродячую кобылку, вообразила себя казаком, размахалась

шашкой и отрубила бедняге пол-уха. Много раз я падала, но ездить все-таки научилась.

Выучилась я и управлять машиной и часто водила пустой грузовичок. С ранеными не решалась.

Немцы очень любили применять одну хитрость: спрячутся в лесу за деревьями несколько автоматчиков и начинают стонать, охать, звать санитаров. Я попала на эту удочку. Рванулась вперед на крики, меня обстреляли! Поползла — тоже обстреливают. На ходу слетела в небольшой окопчик, прямо на чьи-то головы. Меня выругали, но, рассмотрев, извинились. Мы не успели опомниться, как в окоп влетела шипящая «лимонка». На десятую долю секунды все оцепенели. Кто-то крикнул:

— Бросай!..

И я, не помню сама как, выбросила гранату обратно. Вместе со мной бросил свою гранату какой-то боец, и после второго взрыва стоны и выстрелы прекратились.

Мы вылезли наверх. На земле лежали два фрица: один без головы, другой без ног. Нашли у них документы и письма какой-то Греты.

Мне случалось ходить в атаку. Иногда я оказывалась не сзади, а впереди бойцов. Трудно описать чувство, которое охватывает человека, когда он ведет за собой в бой. Это вроде вдохновения, или, может, у дирижеров такое бывает. Ты стремишься вперед и чув-

сгвуешь, даже спиной чувствуешь, что все зависит от тебя. Если дрогнешь — все пропало, останятся люди.

Часто я ходила в атаку с Селимом Тедтовым. Бесстрашный был. Во весь рост шел впереди бойцов, и пули не брали. Селим немало немцев убил, его тоже пытались подстрелить. Не удавалось. Попала однажды ему пуля в живот, но и то под кожей застряла плашмя. Он все просил меня вытащить пулю, а я не решалась. Не уходил с поля боя, даже когда ему руку прострелило навывлет. Командование полка приказало ему отдохнуть две недели. Только тогда, сплюнув по привычке сквозь зубы, он ушел на отдых километра за два от передовых.

— Меня никогда не убьет, — говорил он. — Видишь, пуля и то в животе застряла.

В атаках я поняла свое призвание: я боец, а не медицинская сестра. Я стала мечтать о военной школе. Все данные у меня были для этого. Одно огорчало — голос. В атаке нужен бас, а у меня голосок звонкий. И зачем только я на мальчишку похожа, если голос бабий?! Нехорошо.

Но все эти мечты не мешали с азартом заниматься своей работой. Однажды командир приказал перевести всех раненых на другую сторону болота и эвакуировать в тыл. С несколькими санитарями мы стали перетаскивать

бойцов через болото. Земля прогибалась под нашей тяжестью так сильно, что мы все время шли как будто в яме. Некоторые санитары глубоко проваливались. Мне сначала везло, но потом и я провалилась по уши. Наглоталась всякой дряни. Мне помогли, вытащили, и целых полчаса я отплевывалась. Во рту гадко до тошноты, голова отяжелела. Но надо было таскать раненых, и к рассвету мы перенесли всех. Меня знобило и пошатывало.

Среди дня началось немецкое наступление. Наш полк еще удерживал свой рубеж, но другие части не выдержали натиска и начали отходить. Мои раненые лежали в сарае, никакого транспорта не было, и я ломала голову над тем, как их перебросить в тыл. На дороге иногда появлялись машины и повозки. Я пыталась уговорить шоферов захватить с собой раненых, но они, не останавливаясь, проносились мимо, и никто не хотел меня выслушать.

Надо было найти другой выход, на уговорах далеко не уедешь. И я догадалась. По обе стороны дороги шло болото. Грязища непроходимая. Я выждала момент и, когда по дороге мчались две телеги без повозочных, остановила на ходу лошадей, сцепила телеги осями. Через несколько минут около моей баррикады скопилось много машин. Я смогла погрузить на них всех раненых и отправить в тыл, как и приказал командир полка.

А еще через несколько дней меня ранило. Случай этот был неинтересный. Как всегда, я бежала, подбирая раненых. Около меня пролетела мина. Я легла. Приподнялась — сверху шрапнель. Прихлопнуло осколком — и точка. Опомнилась в Москве, в госпитале.

КО ВСЕМУ МИРУ

Цветы, подарки, чай в чистой фарфоровой чашке, приветливые незнакомые люди... Так я лежала в госпитале в Москве, и меня почему-то чествовали, как настоящую героиню. Ко мне приходили люди с фабрик и заводов, студенты из ИФЛИ, где училась Люся, писатели и журналисты, про меня рассказывали по радио, обо мне писали в газетах. Я не против славы, потому что она увлекает других. Ведь и меня увлекала чужая слава — слава Полины Осипенко. Если бы я никогда не слышала о ней, не старалась ей подражать, наверно, мне было бы труднее и я была бы хуже.

Но когда я оставалась одна, я забывала об этом. Мне все время хотелось вспоминать о фронте. За несколько месяцев войны я узнала и пережила столько, сколько за целую жизнь, может быть, не пришлось бы узнать. Люди, плохие и хорошие, люди, с которыми раньше надо было годы прожить, чтобы их узнать, обнаруживали себя на войне в один день, в

один час, в одну минуту. Мне думается, что теперь я людей знаю, и по большей части они все-таки хорошие. Мне пришлось пережить смерть подруги, и теперь я знаю, что бывают вещи непоправимые. Много будет у меня друзей; может, и хуже, может, и лучше, но такой не будет. Я видела боль, смерть, страдания ни в чем невиновных людей, и я научилась ненавидеть. Я очень хорошо знаю, кого я ненавижу и за что ненавижу. И мне хотелось рассказать об этом всем.

28 сентября прямо из госпиталя я поехала на антифашистский митинг молодежи в Доме Союзов.

Сколько героев-комсомольцев увидела я в белом, сверкающем огнями зале! Со сколькими знаменитостями познакомилась я в этот вечер! Глаза разбежались.

Перед выступлением очень волновалась. Сказать речь, которую слушает весь мир, гораздо страшнее, чем идти в атаку. Меня подбадривала сидевшая рядом киноактриса Зоя Федорова. Наконец наступила моя очередь. Я влезла на трибуну, из-за которой была видна только моя голова, и рассказала о нашей храброй молодежи, сражающейся на фронте, о мужестве, о Люсе, о своей ненависти к фашистам.

Мне хотелось, чтобы все почувствовали силу этой ненависти, чтобы мои слова, слова

рядового, маленького участника великой отечественной войны еще раз разоблачили перед всем миром звериное, гнусное лицо фашизма. Чтобы ненависть к врагу всех свободолюбивых народов мира удесятилась.

Речь свою я закончила так: «Мы должны уничтожить фашистскую заразу».

Наш любимый нарком товарищ Сталин поставил перед Красной Армией задачу — разгромить немецко-фашистских оккупантов в 1942 году.

Мы это сделаем. Мы скоро это сделаем! Осуществлению этой благородной цели мы готовы отдать свои силы, молодость, все до последнего удара сердца.
